

Мамчак Снежана Петровна

ФОРМАЛЬНО-ПРАГМАТИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ ЗНАЧЕНИЯ Ю. ХАБЕРМАСА

В статье рассмотрен теоретический вклад Ю. Хабермаса в теорию значения. Выяснено, что в основе формально-прагматической теории значения лежит концепция трех языковых функций К. Бюлера. На основе критики когнитивной интерпретации истины, сводящей значение к содержанию предложения, показано, что понимание языкового выражения равно знанию условий его intersubъективного принятия как истинного, правильного или правдивого.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2013/9-1/25.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2013. № 9 (35): в 2-х ч. Ч. I. С. 91-95. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2013/9-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

6. **Дмитриев А. В.** Миграция: конфликтное измерение. Изд. 2-е, испр. и перераб. М.: Альфа-М, 2007. 416 с.
7. **Жулинський М.** Заявити про себе культурою. К.: Генеза, 2001. 680 с.
8. **Залізник Г.** Мовні орієнтації та цивілізаційний вибір українців: аналіз і рекомендації // Мовна політика та мовна ситуація в Україні / за ред. Ю. Бестерс-Дільгер. К.: ВД «Киево-Могилянська академія», 2008. С. 132-166.
9. **Зілдер Ж.** Політико-адміністративні системи країн ЄС: порівняльний аналіз / пер. з фр. В. Ховхуна. К.: Основи, 1996. 420 с.
10. **Кіндзерський С. А.** Державне управління в гуманітарній сфері регіону України: автореф. дисс. ... канд. наук з держ. управління / НАДУ. Київ, 2006. 20 с.
11. **Кононенко П.** Національна ідея, нація, націоналізм. К.: МАУП; Міленіум, 2006. 358 с.
12. **Коротич О.** Концептуальні засади перебудови державного управління регіонами // АПВП. 2005. № 1. С. 174-180.
13. **Лозко Г.** Європейський етнорелігійний ренесанс: витоки, сутність, перспективи (на матеріалах відродження етнорелігій у європейських країнах). К.: Такі справи, 2006. 424 с.
14. **Мнакацянц М. О.** Культуры. Этноссы. Нации: размышления об истоках и природе национальной общности. М.: МГИМО-Университет, 2005. 352 с.
15. **Табачник Д. В., Попов Г. Д., Пилипенко Т. І.** Національні меншини України: етнокультурний вимір. К.: Етнос, 2007. 152 с.
16. **Тишков В. А.** Вынужденные миграции (комментарий к Программе действий) // Вынужденные мигранты: интеграция и возвращение / отв. ред. В. А. Тишков. М.: Институт этнологии и антропологии РАН, 1997. С. 7-14.

THEORETICAL-METHODOLOGICAL FOUNDATIONS OF THE UKRAINIAN CITIZENS' SOCIAL-CULTURAL NEEDS RESEARCH

Lesnichaya Viktoriya Nikolaevna

*National Academy of Government Managerial Staff of Culture and Arts in Kiev, Ukraine
poisk.07@list.ru*

The author pays special attention to identifying the key principles of social-cultural needs satisfaction, which includes the development of the system of spiritual and world view values that mark national identity and symbolically outline common cultural space on its basis; the popularization of national historical memory; the use of linguistic-informational and educational space as social-cultural tools; the satisfaction of the social-cultural needs of national minorities and the foreign Ukrainian heritage; and formulates the main directions of the research of the Ukrainian citizens' social-cultural needs system.

Key words and phrases: social-cultural needs; cultural space; system of social-cultural needs satisfaction; regional factor; national minorities; foreign Ukrainian heritage.

УДК 1.14.140+141

Философские науки

В статье рассмотрен теоретический вклад Ю. Хабермаса в теорию значения. Выяснено, что в основе формально-прагматической теории значения лежит концепция трех языковых функций К. Бюлера. На основе критики когнитивной интерпретации истины, сводящей значение к содержанию предложения, показано, что понимание языкового выражения равно знанию условий его интересубъективного принятия как истинного, правильного или правдивого.

Ключевые слова и фразы: значение; значимость; истина; правильность; правдивость.

Мамчак Снежана Петровна

*Львовский национальный университет им. И. Я. Франко, Украина
snizja@ukr.net*

ФОРМАЛЬНО-ПРАГМАТИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ ЗНАЧЕНИЯ Ю. ХАБЕРМАСА[©]

Ю. Хабермас, работы которого на протяжении уже многих лет пользуются неизменным интересом со стороны мирового сообщества, по праву закрепил за собой статус выдающегося мыслителя современности. Его социально-политические и этические воззрения оказали огромное влияние на целую генерацию интеллектуалов как в Германии, так и за рубежом. Среди мыслителей, испытавших влияние идей немецкого философа, можно вспомнить такие известные в философском мире фигуры, как А. Хонет, Т. Мак-Картти, Н. Фрэйзер, Ш. Бенхабиб и др. Этот перечень, далеко не полный, может быть расширен упоминанием исследователей, с именами которых принято связывать рецепцию философии Ю. Хабермаса на постсоветском пространстве. В данном случае речь идет о трудах А. Назарчука, М. Соболевой, И. Фарман, В. Фурса, А. Ермоленко, Д. Твардовского, Л. Ситниченко и т.д.

Интерес для исследователей в первую очередь представляют авторская концепция модерна Ю. Хабермаса, его теория действия, теория коммуникативной рациональности, концепция социокультурной эволюции человечества,

в то время как лингвофилософские идеи мыслителя изучены недостаточно. Исключением является работа М. Соболевой «Философия как «критика языка» в Германии» [7], в которой концепция немецкого мыслителя рассматривается с позиции философии языка. Примечательной чертой этой монографии является намерение ее автора сделать общий набросок исследований Ю. Хабермаса в области философии языка. Исследование М. Соболевой ориентировано на рассмотрение таких составляющих концепции философа, как теория значения, теория истины и теория аргументации в единстве их логических и смысловых взаимосвязей. Тем не менее, каждый из заявленных аспектов разработан им систематически и может быть представлен в качестве отдельного предмета исследования. Особого внимания, на наш взгляд, заслуживает теория значения, основополагающим принципом которой является тезис о существовании имманентной связи между пониманием значения языкового выражения и знанием того, каким образом следует его использовать, чтобы достичь согласия с кем-то о чем-то.

Цель статьи – реконструировать основные положения теории значения Ю. Хабермаса, раскрыть характер взаимосвязи между способом понимания языкового выражения и условиями его intersubjectивного принятия.

Главной задачей немецкого мыслителя является попытка объединить в единой познавательной стратегии методологической инструментальной аналитической философии с основополагающими принципами теории коммуникативного действия. «Аналитическая философия с ее ключевой дисциплиной, теорией значения, составляет вполне перспективную точку соединения с теорией коммуникативного действия, которая ставит в центр своих интересов речевой процесс взаимопонимания как механизм координации действий» [10, р. 274]. Целесообразность такого решения Ю. Хабермас видит в том, что аналитическая философия, имеющая громадный потенциал для исследования структур целевого действия, не учитывает конститутивное для социальной теории отношение актер-мир. Исходя из онтологической предпосылки о независимом существовании объективного мира, аналитики рассматривают действие в концептуальной модели «цель-средство», не принимая во внимание механизмы их координации. Модель целевого действия ориентирует на рассмотрение актеров в качестве автономно действующих субъектов, которые взаимодействуют с внешним миром или другими контригрокками исключительно с целью каузального воздействия на них. В медиуме естественного языка с присущим ему телосом взаимопонимания возникает возможность согласования планов действий участников интеракции на основе достижения ими взаимного согласия. Таким образом, ориентированная на достижение взаимопонимания модель поведения позволяет выйти за пределы субъект-объектного противопоставления, характеризующего целевое действие.

Основываясь на концепции трех языковых функций К. Бюлера, Ю. Хабермас утверждает, что с помощью высказываний говорящий (а) представляет нечто, имеющее место во внешнем мире, (б) выражает свои внутренние интенции и переживания, (с) устанавливает отношения с адресатом речи. Иначе говоря, любое речевое сообщение – это «символ в силу своей соотнесенности с предметами и положением дел; это симптом (примета, индекс) в силу своей зависимости от отправителя, внутреннее состояние которого он выражает, и сигнал в силу своего обращения к слушателю, чьим внешним или внутренним состоянием он управляет так же, как и другие коммуникативные знаки» [1, с. 38]. Следовательно, помимо претензии на понятийность (согласованность высказывания с правилами грамматики) имеющее успех коммуникативное действие может быть расценено с точки зрения (1) объективной истинности, (2) субъективной правдивости, (3) нормативной правильности. По мнению Ю. Хабермаса, среди наиболее репрезентативных теорий значения, к которым он относит семантическую концепцию Г. Фреге, интенционализм П. Грайса и теорию использования значения позднего Л. Витгенштейна, существует тенденция учитывать всего лишь один аспект схемы К. Бюлера.

В рамках семантической концепции Г. Фреге проблема значимости определяется через отношение языка к миру, представленного определенной совокупностью фактов. Такое понимание позволяет сформулировать вопрос значимости исключительно с позиции теории истины, принимая во внимание только репрезентативную функцию языка. «Таким образом, мы вынуждены признать в качестве значения предложения его *истинностное значение*. Под истинностным значением – значением истинности предложения – я понимаю то, что оно либо истинно, либо ложно» [8, с. 235]. Методологической основой этого похода является критика референтно-семантического взгляда, согласно которому связь между сигнификатом (значением) и сигнификантом (знаком) интерпретируется через отношение символ-дезинат. С этой точки зрения соотношение язык-реальность осмысливается по образцу принадлежности имени определенному предмету. По мнению Г. Фреге (эта позиция сродни идеям раннего Л. Витгенштейна), рассматривать язык в его отношении к миру на основании референтно-семантической модели некорректно. Связь языка и реальности рассматривается Г. Фреге не путем идентификации имени и предмета, а через анализ фактов, подтверждающих или опровергающих истинность ассерторического предложения. А это значит, что знание условий истинности является экспланансом теории значения: мы понимаем выражение только тогда, когда знаем, что происходит, когда оно истинно. «Предложение – картина действительности: ибо, понимая предложение, я знаю изображаемую им возможную ситуацию» [2, с. 20].

Таким образом, считает Ю. Хабермас, Г. Фреге удалось обнаружить имманентную связь между значением и значимостью, которая, по его мнению, должна быть представлена с прагматической точки зрения. Соотнесение выраженной в предложении мысли с определенным положением вещей позволяет участникам коммуникации занять рефлексивную позицию относительно сказанного. «Только благодаря обсуждению предложений, которые могут быть истинными, участники коммуникации могут достичь взаимопонимания относительно спорности существования определенного положения вещей» [4, с. 88]. Однако, приняв за основу анализ предложений как элементарных составляющих семантического исследования, Г. Фреге абстрагируется от самой практики употребления языка и субъективных интенций говорящего, акцентируя внимание

исключительно на правилах грамматики. В свою очередь, хабермасово прочтение концепции Г. Фреге с позиции теории значимости ведет к релятивизации истины путем ее сведения к рационально обоснованной акцентуированности высказывания, что, на наш взгляд, является его существенным недостатком.

Интенциональная теория значения П. Грайса коррелирует с толкованием языка К. Бюлера как своеобразным инструментарием для выражения интенций и целей субъекта интеракции. Согласно этому мнению, теория значения не может базироваться на основе анализа языковых выражений, поскольку такая позиция пренебрегает различием между тем, что имеется в виду, и тем, что высказывается. Точнее говоря, содержание того, о чем говорится в предложении, не исчерпывается изложенной в нем мыслью. Учитывая это, П. Грайс утверждает, что понимание значения языкового выражения предполагает идентификацию интенций говорящего.

Предложенный П. Грайсом ход мысли ориентирует на рассмотрение модели общения по образцу телеологического действия. Стремясь повлиять на собеседника в частности и на ситуацию в целом, говорящий осуществляет интервенцию в мир, которая может быть каузально объяснена и только внешне соединяется с субстратом языковых символов. Иными словами, языковое опосредование взаимодействия имеет для П. Грайса производный характер, в то время как базовыми побуждениями речевой деятельности являются внутренние стимулы субъекта, принадлежащие внеязыковой сфере. «То, что критерии лингвистических интенций очень похожи на критерии оценки нелингвистических интенций, фактически показывает, что лингвистические интенции очень похожи на нелингвистические интенции» [9, p. 387-388].

Обращение интенциональной семантики к анализу внутренних мотивов, намерений, диспозиций субъекта позволяет принять во внимание экстралингвистические факторы общения, расширив тем самым границы теории значения. В то же время, связав значения языковых выражений исключительно интенциями говорящего, П. Грайс существенно сузил понимание языка, фактически уподобив его средствам материальной интервенции человека в окружающий мир.

Лингвистическая философия Л. Витгенштейна тематизирует третий аспект схемы языковых функций К. Бюлера, развивая теорию использования значений: «Понять предложение, значит понимать язык. Понять язык, значит овладеть техникой» [3, с. 129]. Ее разработка приходится на поздний период деятельности философа, отличительной чертой которого является критика формальной семантики Г. Фреге, идеи которого в значительной степени коррелируют с ранними наработками мыслителя. Обращаясь к анализу высказываний, философ утверждает, что разноплановость реальной практики употребления языка лишает дескриптивную функцию ее привилегированного статуса. Согласно позиции позднего Л. Витгенштейна, функция описания и фиксации фактов является лишь одной из многих, ведь в медиуме естественного языка в равной степени возникает также возможность для осуществления команд, поздравлений, пожеланий, приказов и т.п. На этом основании Дж. Остин несколько позже вводит понятие перформатива, содержание которого отражает случаи употребления языка, при котором определенное утверждение предстает одновременно и как действие. «То, о чем я хотел поговорить, суть высказывания в самом прямом и строгом смысле слова, содержащее обычные глаголы активного залога настоящего времени изъявительного наклонения в первом лице единственного числа» [6, с. 264]. Как и любое другое действие, перформативное высказывание ориентировано на достижение определенного результата. Соответственно, высказывание такого типа оценивается не как истинное или ложное, а с позиции успешности его выполнения, достижения желаемого результата.

Ориентированность высказывания на достижение результата позволяет провести параллель между теорией употребления значения и интенциональной семантикой П. Грайса, так как и в первом, и во втором случаях мы имеем дело с ситуацией целеполагания: каждый из участников интеракции пытается повлиять на существующее положение дел. Однако существует одно принципиальное различие: в своих рассуждениях П. Грайс исходит из анализа отдельных, автономно действующих субъектов интеракции, в то время как Л. Витгенштейн ведет речь об интересубъективно разделенной общности жизненных и институционализированных социумом форм поведения, выраженной им в понятии языковой игры. «В отличие от интенциональной установки, установка теории использования значения подчеркивает не инструментальный характер языка, а переплетение языка с интерактивной практикой, в которой одновременно отражаются и воспроизводятся формы жизни» [4, с. 89-90].

Единство речи и действия, концептуализированное мыслителем в форме языковой игры, дает ему возможность представить связь между значением и значимостью как таковой, что не зависит от отношения языка к миру. Тем самым, по мнению Ю. Хабермаса, представитель лингвистического направления философии фактически отрицает существование притязаний на значимость, которые трансцендируют пределы локальных контекстов. Рассматривая дескриптивную функцию языка как одну из многочисленных функций, возникших в исторически определенных условиях, Л. Витгенштейн практически снимает вопрос об истинности основанных на фактических данных утверждений.

Таким образом, подчеркивает Ю. Хабермас, каждая из рассмотренных теорий значения исходит только из какого-то одного аспекта схемы К. Бюлера, что существенно сужает их теоретико-методологический потенциал. По мнению мыслителя, односторонность этих концепций можно преодолеть концептуальными средствами теории речевых актов Дж. Остина и Дж. Серля, реинтерпретированной, соответственно, к основным предпосылкам теории значимости. Подобно концепции П. Грайса, последняя отдает должное вниманию анализу интенций говорящего, не редуцируя при этом процесс взаимопонимания к модели стратегического действия. Как и в случае теории использования значений, Дж. Остин анализирует язык в его динамическом аспекте, акцентируя внимание на деятельностном характере речи. При этом британский мыслитель избегает узости взгляда Л. Витгенштейна, который отвергал любые притязания на значимость, выходящие

за пределы локальных языковых игр. Однако, связывая притязания на значимость исключительно с соблюдением условий пропозициональной истинности, теория речевых актов остается в узких рамках семантики истинности, что, как считает Ю. Хабермас, является ее существенным недостатком. Возможность коррекции теории речевых актов философ связывает с признанием того обстоятельства, что каждая из функций языка, а не только дескриптивная, связана с определенным типом притязаний на значимость.

Согласно Ю. Хабермасу, первый шаг на пути к расширенному толкованию теории значимости сделал М. Даммит. Интерес немецкого философа составляет предложенное М. Даммитом различие между знанием условий истинности и видом оснований, выдвинутых предложением. Целесообразность введения подобного разделения аргументирована тем, что в отдельных случаях семантика истины не принимает во внимание знания слушателем условий, при которых определенное ассерторическое предложение является истинным. «Нет необходимости в том, чтобы у нас было какое-нибудь средство установления истинности или ложности утверждения, нужно лишь, чтобы мы были способны распознать, что его истинность установлена» [5, с. 179]. Из этого тезиса Ю. Хабермас выводит идею аргументативной игры, в которой проponent (говорящий) и оппонент (слушатель) должны достичь рационально мотивированного согласия по спорным притязаниям на значимость. Именно поэтому, считает философ, вопрос о значимости утверждения не может рассматриваться вне коммуникативного процесса как объективированное отношение языка к миру. Это означает, что любое притязание на значимость следует рассматривать не с семантической точки зрения или исключительно с позиции говорящего, а через интересубъективное признание его всеми участниками обсуждения. Такая формулировка проблемы требует пересмотра характера иллокутивного воздействия высказывания. Если для Дж. Остина иллокутивная составляющая речевого акта была связана с иррациональными факторами речевого действия, в то время как рациональный компонент полностью монополизировался его содержанием, то Ю. Хабермас, наоборот, видит в ней основу рациональности. Свою позицию философ аргументирует тем, что иллокутивная сила высказывания выступает связующим звеном между условиями притязаний на значимость и основаниями их интересубъективной проверки. Ведь ситуация речи предполагает, что каждый участник дискурса, по крайней мере, имплицитно, может привести ряд оснований, на базе которых сформулировано определенное утверждение. В этом отношении процесс взаимопонимания неотделим от процесса понимания: мы понимаем значение выражения в случае, когда есть возможность идентифицировать тот вид оснований, на которых оно базируется, и мы можем сделать что-то с чьего-то общего согласия при условии, если проблематизированные в высказываниях притязания на значимость соответствуют критериям дискурсивной проверки. Понимать значение языкового выражения означает знать, каким образом можно его использовать для того, чтобы прийти к согласию с кем-то по отношению к чему-то, что имеет место в мире. Тот факт, что условия общезначимости являются независимыми от пропозициональных аспектов речи, позволяет говорить о притязаниях на значимость не только в терминах истинности, но и в контексте нормативной правильности и правдивости. Любое притязание на значимость предполагает определенный вид оснований, отсылает говорящего к чему-то во внешнем мире объективных явлений и процессов, социальном мире или субъективном мире переживаний.

Таким образом, основываясь на концепции трех языковых функций К. Бюлера, Ю. Хабермас утверждает, что посредством языкового высказывания говорящий выдвигает значимые претензии, которые могут быть оправданными с точки зрения объективной истинности, субъективной правдивости или нормативной правильности. Это утверждение позволяет ему определить значение языкового выражения в терминах рационально обоснованной приемлемости высказывания. Иначе говоря, понимание языкового выражения тождественно знанию того, каким образом нужно его использовать с целью достижения согласия о чем-то, касающемся происходящего во внешнем мире вещей, субъективном мире переживаний или общем социальном мире. Следовательно, Ю. Хабермасу удалось согласовать между собой три установки теории значения (понимание значения выражения как знание условий истинности, как способность идентифицировать интенции и намерения говорящего, как способ его использования), представленные семантической концепцией Г. Фреге, интенционализмом П. Грайса, концепцией значения позднего Л. Витгенштейна. Тем не менее, сравнивая значение языкового выражения с условиями его интересубъективного принятия, философ не уделяет внимание анализу онтологических предпосылок понимания, что ведет к различению и резкому противопоставлению языка как медиума координации действий и бытия мира, который «молчит».

Список литературы

1. Бюлер К. Теория языка. Репрезентативная функция языка. М.: Издательская группа «Прогресс», 2000. 502 с.
2. Витгенштейн Л. Логико-философский трактат // Витгенштейн Л. Философские работы. М.: Гнозис, 1994. Ч. I. С. 5-73.
3. Витгенштейн Л. Философские исследования. М.: АСТ; Астрель, 2011. 347 с.
4. Габермас Ю. Постметафизичне мислення. Київ: Дух і літера, 2011. 280 с.
5. Даммит М. Что такое теория значения // Философия, логика, язык. М.: Прогресс, 1987. С. 127-212.
6. Остин Дж. Перформативные высказывания // Три способа пролить чернила: философские работы. СПб.: Алетея; Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2006. С. 262-281.
7. Соболева М. Философия как «критика языка» в Германии. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2005. 412 с.
8. Фреге Г. О смысле и значении // Фреге Г. Логика и логическая семантика: сб. трудов. М.: Аспект Пресс, 2000. С. 230-237.
9. Grice H. P. Meaning // Philosophical Review. 1957. № 64. P. 377-388.
10. Habermas J. The Theory of Communicative Action. Boston: Beacon Press, 1984. Vol. 1. Reason and the Rationalization of Society. 465 p.

FORMAL-PRAGMATIC THEORY OF MEANING BY J. HABERMAS

Mamchak Snezhana Petrovna

*Lviv National University named after Ivan Franko, Ukraine
snizja@ukr.net*

The author considers the theoretical contributions of J. Habermas to the theory of meaning, reveals that the basis of the formal-pragmatic theory of meaning is the conception of three language functions by K. Buhler; basing on the criticism of the cognitive interpretation of truth, which reduces meaning to the content of sentence, shows that the understanding of language expression is equal to the knowledge of the conditions of its intersubjective acceptance as true, correct and truthful.

Key words and phrases: meaning; significance; truth; accuracy; truthfulness.

УДК 75+78

Искусствоведение

В статье рассматривается орнаментальность как прием изложения мелодической ткани вокальных номеров Шемаханской царицы, Звездочета, Царевны-Лебеди – сказочных персонажей поздних опер Н. А. Римского-Корсакова «Сказка о царе Салтане» и «Золотой петушок», предпринята попытка найти графические эквиваленты мелодической орнаментике и определить взаимосвязь установленных типов орнамента с функциями персонажей; данная работа выполнена в рамках исследования по специфике воплощения сказочных сюжетов в искусстве русского модерна.

Ключевые слова и фразы: модерн; волшебная сказка; декоративность; орнаментальность; геометрический орнамент; растительный орнамент; Н. А. Римский-Корсаков; Шемаханская царица; Звездочет; Царевна-Лебедь.

Маркелова Елена Евгеньевна

*Саратовская государственная консерватория (академия) им. Л. В. Собинова
skazka.0403@rambler.ru***ОРНАМЕНТАЛЬНОСТЬ КАК ПРИЕМ В СКАЗОЧНОЙ ИКОНОГРАФИИ ПРОИЗВЕДЕНИЙ
РУССКОГО МУЗЫКАЛЬНОГО МОДЕРНА (НА ПРИМЕРЕ ОПЕР Н. А. РИМСКОГО-КОРСАКОВА
«СКАЗКА О ЦАРЕ САЛТАНЕ», «КАЩЕЙ БЕССМЕРТНЫЙ», «ЗОЛОТОЙ ПЕТУШОК»)®**

Эпоха рубежа XIX-XX вв. – одна из самых ярких и загадочных в русской художественной культуре. В силу актуализации мифопоэтической картины мира, в силу авторской поэтики крупных художников и в силу стилевых факторов, созвучных эстетике модерна, становится востребованной волшебная сказка.

Художники «заимствуют» из сказки не только глубинные онтологические категории (например, тридевятое царство как идеальное синкретическое пространство, гармония человека и природы, отсутствие границ между реальным и ирреальным, магичность, поклонение Красоте и пр.) [6] и отдельные образно-символические мотивы (золото, серебро, драгоценные камни, зеркало, вода, остров, сад, сон) [7], но и ее особый *декоративный* язык повествования, который играет важную роль в раскрытии сюжетно-стилистических особенностей волшебной сказки.

Солнце и Луна, звезды, драгоценные металлы, самоцветы, фантастические звери, птицы, цветы, расписанные «разными хитrostями» терема, изукрашенные узорами предметы быта, одежда, вплоть до мельчайших деталей, с избытком фигурируют в каждой сказке, создавая условное, но вместе с тем совершенное, законченное пространство.

Акцент на живописности, тончайшие нюансы, интерес к деталям – это лексика не только волшебной сказки, но и стиля модерн, для которого декоративность становится эстетической нормой и важной стилистической чертой.

Олицетворением игры мельчайших деталей в «новом» стиле стал *орнамент (узор)*, который имел не просто декоративное значение, а обладал глубоким символическим смыслом, распространял свою власть на станковые формы творчества и постоянно развивался, претерпевал эволюцию от сложных к более простым геометрическим формам (Р. Шмутцлер) [13, S. 9].

В модерне орнамент выходит на новый качественный уровень, выступает с новой художественной силой, превращается практически в *самостоятельный жанр искусства*.

В связи с этим, целью данного исследования является рассмотрение орнаментальности как приема в «сказочном» *музыкальном модерне* на примере вокальных партий Шемаханской царицы, Звездочета, Царевны-Лебеди – персонажей поздних опер Н. А. Римского-Корсакова.

Популярность орнамента в эпоху модерна, обусловлена двумя причинами: во-первых, стремлением стиля к *украшательству* всего жизненного пространства; во-вторых, в связи с общей установкой стиля модерн на *условность изображения* [11, с. 148].